

Статья Хейзел Мелиссы Толивер «Учение Теренция об образовании» предлагает читателю проследить эволюцию античного театра и, в особенности, изменения древнегреческих драматических стандартов в древнеримском театре времен Теренция. Как и Дэвид Вайлс, Толивер обращает внимание на взаимодействие и взаимозависимость античных институтов семьи и образования. Героями комедий Теренция становятся «отцы и дети», которые не находят понимания и, только максимально усложнив простую ситуацию, начинают задумываться о поиске компромиссного решения. Они оспаривают внутрисемейную иерархию, подтачивают дисциплину, идущую от главы семьи, попадают в плен к страстям и порокам, а главное – постоянно боятся того, что их поглотит поток чужого жизненного опыта.

Выдвинув гипотетическое положение о том, что Теренций через комедии хотел явить свою концепцию наилучшего образования, Толивер проводит аналогию с Цицероном, который хотел сделать то же самое через свои софинения и речи. Разрабатываемая Цицероном концепция *humanitas*, предполагала сближение, но не слияние греческого и римского канонов добродетели. Существование дух видов образования – по греческому и по римскому образцу – рассматривалось Цицероном с точки зрения великой миссии римлян, которые наконец-то получили возможность построить свой сад Академа и сделать его столь же привлекательным для учеников. Теренций, безусловно, не мог не интересоваться этими же вопросами, но в центре его внимания все же была не педагогическая теория, а педагогическая практика. Простые вопросы о том, как, кого и зачем учить, интересовали Теренция с точки зрения жизнеспособности существовавших образовательных практик, ориентированных на формирование римского гражданина, которому могло быть не чуждо грекофильство. Теренций, как и Цицерон, считал, что образование для римлянина должно быть особой формой воспитания через культуру, неким возвышением над повседневностью, а не подготовкой к жизни в ее рамках.

Толивер подчеркивает, что внимательное прочтение текстов Теренция позволяет увидеть причины и последствия смещения образовательных идеалов с теми смысловыми акцентами, которые расставляли образованные люди, интересовавшиеся гуманизмом эллинской культуры представители кружка Сципиона.

Хейзел Мелисса Толивер

Учение Теренция об образовании¹

(Пер. Я.А. Волковой, В.К. Пичугиной)

Несмотря на то что римские драматурги часто многое заимствовали из греческой драматургии, стоит предположить, что с помощью своих пьес они продвигали идеи, которые, как они надеялись, окажут влияние на публику. Цель данной статьи – представить доказательства того, что Теренций, чувствуя необходимость в улучшении современных ему методов обучения, в некоторых комедиях (в частности, в «Самоистязателе» и «Братьях»²), обнародовал свою концепцию наилучшей системы образования. Более того, вполне возможно, что он отчасти выступил в качестве представителя образованных людей из кружка Сципиона, которые особенно интересовались гуманистическим аспектом эллинской культуры.

Поскольку общеизвестно, что образование в раннем Риме было, в основном, делом семьи³, осуществляемым под наблюдением родителей⁴, фраза «теория образования» в настоящем исследовании будет

¹ Оригинальное издание: Toliver H.M. The Terentian Doctrine of Education // The Classical Weekly. – 1950. – Vol. 43. – № 13. – PP. 195–200. Полнотекстовая версия доступна по адресу: <http://www.jstor.org/stable/4342731>. Благодарим редакцию журнала за бескорыстное и любезное разрешение перевести и опубликовать данную работу. Перевод с английского Я.А. Волковой, В.К. Пичугиной; комментарии В.К. Пичугиной. Перевод и комментирование выполнены при финансовой поддержке РФФИ проект «Концепция воспитания культурой в педагогике Цицерона» № 16-06-00004.

² В данной статье цитаты Теренция приводятся по изданию P. Terenti Afri Comoediae, ed. Robert Kauer and Wallace M. Lindsay (Oxford: At the Clarendon Press, 1926).

³ Даже римские законы не ставились выше семейных воспитательных традиций и демонстрировали уважительное отношение к семейному укладу. – (Прим. – В. П.).

⁴ Подробное описание раннего римского образования см.: J.F. Dobson, Ancient Education and Its Meaning to Us (London: George C. Harrap and Co., 1932), pp. 91–104; Paul Monroe, Source Book of the History of Education for the Greek and Roman Period (New York: Macmillan, 1902), pp. 327–85; Aubrey Gwynn, Roman Education from Cicero to Quintilian (Oxford: At the Clarendon Press, 1926), pp. 11–58; Ernest Carroll Moore, The Story of Instruction: The Beginnings (New York: Macmillan, 1936), pp. 322–31; A.S. Wilkins, Roman Education (Cambridge: At the University Press, 1905), pp. 1-2, 5–15; Walter Hobbhouse, The Theory and

означать теорию сущности и методов семейного воспитания¹ римского мальчика. Имеется достаточно доказательств того, что это домашнее обучение было в те времена чрезвычайно строгим. Уже во времена Катона традиционное образование для сына состояло из строгой умственной и физической подготовки наряду с усвоением основных римских добродетелей и таких фактических знаний, которые помогли бы юноше в служении государству и семье. Культурность не являлась важным элементом. Цель образования, по мнению жителей раннего Рима, заключалась в подготовке к выполнению обязанностей повседневной жизни².

Однако когда в Риме начало широко распространяться грекофильство, его последователи осознали, что постижение греческой литературы и философии может стать в биографии ученика последним гуманистическим штрихом, после того как старая система воспитает в нем строгие качества *prudencia*, *honestas*, *virtus*, *pietas*, *pudor*, *constantia* и *gravitas*³. Именно это и произошло с некоторыми римлянами. У многих членов кружка Сципиона и позднее у Цицерона мы видим эту самую *humanitas*⁴, которая была результатом слияния луч-

Practice of Ancient Education (New York: Stechert, 1910), pp. 29–41; William M. Small (trans.), *Quintilian on Education* (Oxford: At the Clarendon Press, 1938), pp. IX–XV; K.M. Westaway, *The Educational Theory of Plutarch* (London: University of London Press, 1922), pp. 20–23; W. Warde Fowler, *Social Life at Rome in the Age of Cicero* (New York: Macmillan, 1927), pp. 169–84. Из оригинальных источников информации о традиционно суровой системе дисциплины и подготовки, предпочитаемой древними римлянами, см.: Plautus. *Bacch.* 419–48; Tacitus *Dial.* 28–34; Pliny *Ep.* viii. 14. 1–7; Plutarch *Aem.* 6. 4–5 and *Cat. Ma.* 20. 2–8.)

¹ Здесь и далее употребляемое автором слово “discipline” будет в зависимости от контекста переведено как «воспитание», «подготовка», «образование», «дисциплина». В строгом смысле, слово “discipline” может быть переведено на русский язык и как дисциплина (в смысле «порядок»), и как обучение (в смысле «особая подготовка»). Лат. глагол “discere”, от которого произошло слово “disciplina”, означает «учиться». Первыми значениями для латинского слова “disciplina” были «учение, обучение, образование, наставления, навыки». – *Прим. пер.*

² Cf. Gwynn, *op. cit.* (см. сноску выше), pp. 17–18, 34; Wilkins, *op. cit.* (см. сноску выше), pp. 1–2, 15; J. Wight Duff, *A Literary History of Rome from the Origins to the Close of the Golden Age* (New York: Charles Scribner’s Sons, 1927), pp. 49–50.

³ Благоразумие, честь, мужество/храбрость, благочестие, стыдливость, стойкость/постоянство, строгость. – *Прим. пер.*

⁴ Полное и ясное объяснение *humanitas* в том смысле, как оно понималось римлянами, можно найти в интересной статье профессора О.Е. Nybakken «*Humanitas Romana*», *TAPA*, LXX (1939), 396–413. В одном месте он описывает «*humanitas Romana*» как понятие, которое «охватывало широкие универсальные человеческие обязанности, глубокие чувства любви и сострадания, общую утонченность жизни, включая красоту внешней социальной формы,

ших черт греческого характера с типично римскими чертами¹. Плутарх сообщает, что Эмилий Павл (отец Сципиона) дал своим детям как старое римское, так и новое греческое образование, уделив несколько большее внимание последнему (Aemilius Paulus, 6. 4-5). Эти два типа образования дополняли друг друга, при этом римское представляло собой подготовку к практической деятельности в семье и государстве, а греческое добавляло понимание духовной и моральной ответственности человека перед человеком. Таким образом, сочетание двух типов образования, как казалось, имело потенциальную возможность сформировать более совершенный характер².

К сожалению, как и предвидел Катон, стремление к эллинизму могло приводить не только к идеальным результатам. Многие римляне, видя в эллинизме, в основном, возможность приятного развлечения, забыли свою старую строгую дисциплину и переняли свободные морально-нравственные принципы и роскошный образ жизни, что в глазах общественности стало считаться характеристикой всего греческого. В связи с этим фундаментальные римские концепции долга, морали и целостности начали меняться, и эта тенденция, несомненно, нашла отражение в образовательной политике.

Таким образом, в *fabulae palliatae*³ интересно проследить признаки таких смещающихся образовательных идеалов. В «Вакхидах» (405–499)

наслаждение литературой, искусством и плодами созерцания и учености, а также рациональное применение добродетельного отношения и поведения, для того, чтобы по отдельности и сообща служить на благо людей». Профессор Нибаккен также описывает увлечение гуманизмом членами кружка Сципиона и Цицероном и их заинтересованность в распространении гуманизма среди римлян.

¹ В сочинениях, речах и письмах Цицерон расставляет разные смысловые акценты и помещает “humanitas” в разные контексты. Там, где понятие “humanitas” имеет у Цицерона педагогическое содержание, он говорит о результате образования (некой норме образованности и культурности в масштабе империи, но с опорой на греческое наследие) или о процессе образования в масштабе конкретного человека (глубоко личном греко-римском пути к добродетели). *Прим. – В. П.*

² Cf. J. F. D’Alton, *Roman Literary Theory and Criticism* (New York: Longmans, Green & Co., 1931), p. 28; Ruth Martin Brown, *A Study of the Scipionic Circle* (“Iowa Studies in Classical Philology,” No. 1 [Scottsdale, Pa.: Mennonite Press, 1934]), p. 14; Fowler, *op. cit.* (см. сноску выше), p. 105; W. Warde Fowler, *The Religious Experience of the Roman People from the Earliest Times to the Age of Augustus* (London: Macmillan, 1911), pp. 362–64; Nybakken, *op. cit.* (см. сноску выше), pp. 398, 401–4.

³ В сюжетах паллиаты – комедиях, которые ставились римскими драматургами по греческим образцам и игрались актерами в греческих костюмах. *Прим. – В. П.*

Плавт описывает противоречивые педагогические методы, один из которых делает акцент на строгой, другой – на нестрогой дисциплине. Но именно младший из драматургов, Теренций, признавая существование противоречивых мнений относительно правильной системы обучения мальчиков, представляет общественному вниманию достоинства и недостатки альтернативных методов. Его комедия «Братья» предлагает яркий контраст между «старомодными» и «прогрессивными» педагогическими школами в античную эпоху.

В самом начале необходимо признать, что эта очевидная заинтересованность Теренция в проблемах образования может быть вторичной. Поскольку сюжеты и «Самоистязателя», и «Братьев» были взяты из не дошедших до нас комедий Менандра, можно допустить, что римский драматург просто перенес эту тему из греческого образца и вовсе не обязательно был лично обеспокоен проблемами образования в своем родном городе. В рамках данной статьи нет возможности исследовать данную точку зрения, углубляясь в историю новой греческой комедии, а также в сложный и уже не раз обсуждавшийся вопрос о взаимоотношениях между Теренцием и его греческими прототипами. Тем не менее можно сказать, что Теренций, в отличие от авторов новой комедии, очень серьезно относился к этой теме и акцентировал внимание на вопросе образования путем умелого манипулирования парами контрастных персонажей¹. Сам факт, что он так старательно продвигал этот вопрос, указывает на интерес к нему как к вопросу общественно значимому. Даже если Теренций и заимствовал данную тему, это не помешало ему осознать, насколько она была актуальна в тот период истории римского образования.

Теренций находился под влиянием членов сципионовского кружка и, вероятно, разделял их гуманистические стремления. Представляется очевидным, что и он и они верили в образование, которое выйдет за пределы простого внушения староримских добродетелей и будет развивать качество *humanitas*. Есть вероятность того, что драматург и его товарищи рассматривали театр как прекрасный инструмент пропаганды идей и, следовательно, распространения разделяемых ими образовательных теорий. Они бы ни в коей мере не постеснялись заняться продвижением этих теорий любыми достойными

¹ Cf. Philip Whaley Harsh, *A Handbook of Classical Drama* (Stanford University, California: Stanford University Press, 1944), pp. 385–86, 394–98. См. также: Gilbert Norwood, *The Art of Terence* (Oxford: Blackwell, 1923), pp. 111, 126–30, and *Plautus and Terence* (New York: Longmans, Green and Co., 1932), pp. 112–19, 175. Несколько иная точка зрения представлена в: Ph.E. Legrand, *The New Greek Comedy*, trans. James Loeb (London: William Heinemann, 1917), pp. 440–43.

средствами, особенно учитывая тот факт, что они, несомненно, осознавали необходимость противостоять обвинениям в снижении стандартов вследствие притока в римское образование эллинизма¹.

Но помимо высокой вероятности того, что драматург и его покровители были озабочены римским образованием в достаточной мере, чтобы попытаться улучшить его, существуют еще доказательства, содержащиеся в самих комедиях. Примечательно, что Теренций написал не одну, а две комедии на тему того, что включает в себя правильное образование. Кроме того, намеки на эту тему содержатся и в некоторых других его комедиях. «Девушка с Андроса» и «Свекровь», например, изменяют традиционное представление об абсолютной отцовской власти, явно демонстрируя осознание того, что сыновья имели, по крайней мере, в некоторой степени, возможность и право брать на себя ответственность и принимать решения. Однако именно «Самоистязатель» и «Братья» являются выдающимся вкладом латинской комедии в серьезное рассмотрение вопросов образования.

«Самоистязатель» в целом оценивается критиками ниже, чем «Братья». Одна из причин такой оценки заключается, возможно, в том, что в более ранней комедии решение проблемы, лежащей в основе сюжета, несколько запутанно. В комедии представлены два отца, Хремет и Менедем, которые рассуждали о проблеме правильных взаимоотношений между родителем и сыном, а на практике придерживались противоположных теорий. В одной длинной речи («Самоистязатель», *Neautontimorumenos*, далее НТ, цифры – строки по тексту: 96–112) Менедем демонстрирует, что его поведение по отношению к сыну включает все атрибуты старомодного отца: он начал с жестокого обращения, упреков и оскорблений; он продолжил угрозами отречься от юноши; и он достиг кульминации, приписывая проступки молодого человека праздности и ссылаясь на свою собственную молодость как на идеальный пример. К несчастью, Клиния настолько буквально воспринял слова отца, что сбежал из дома и поступил на военную службу, тем самым заставив старика осознать собственную глупость (НТ 112–17). Менедем тотчас же кидается в другую крайность, истязая себе раскаянием и клянясь, что он никогда больше не будет возражать против желаний Клинии, какими бы экстравагантными они не были (НТ 121–50, 439, 464–66, 858).

Итак, тщательное изучение пьесы говорит о том, что, по сравнению с обычными молодыми людьми из латинской комедии, Клиния на самом деле является юношей, обладающим исключительно

¹ Cf. Nybakkeln, op. cit. (см. сноску выше), p. 400; H.R. Fairclough, *P. Terenti Afri Andria* (Boston: Allyn and Bacon, 1901), p. XXXIV.

высокими моральными качествами. Он любит добродетельную девушку. По большому счету, нет никаких свидетельств того, что он не уважает своего отца. Он не плетет никаких интриг, чтобы выманить деньги у Менедема, и предпринимает единственную попытку обмана ради своего друга Клитифона. Насколько можно судить, его поведение всегда однообразно, и единственное, в чем он не повинуется своему отцу, это его любовные отношения. Тогда очевидно, что система образования Менедема произвела здравомыслящего и высоконравственного человека. Что касается характера этого человека, то едва ли его можно отнести к педагогическим неудачам.

Однако Теренций явно хочет предположить, что для того, чтобы какой-либо метод воспитания был успешным, он должен увеличивать, а не уменьшать счастье как родителя, так и ребенка. В этом отношении система Менедема дает сбой. До момента отъезда молодого человека Менедем не только не понимает его, но и, по-видимому, не чувствует в этом необходимости. В результате, он совершает ошибку, пытаясь заставить Клинию отказаться от своей возлюбленной. В пьесе нет никаких указаний на то, что до этого момента молодой человек бывал по-настоящему несчастлив, но представляется маловероятным, что этот момент мог быть первым конфликтом желаний. Вероятно, эта ссора из-за девушки – окончательная, невыносимая кульминация долгих лет, в течение которых отец пытался подавить упрямого сына. Когда в результате этого разрыва отношений старик вынужден воспринимать ситуацию с двух сторон, он тоже становится глубоко несчастным. Таким образом, его система воспитания произвела существо, вооруженное моралью, идеалами и взглядами выше, а не ниже среднего в своем окружении, но в то же время эта система стала причиной глубокого несчастья как для отца, так и для сына. Теренций, таким образом, внушает своим зрителям мысль о том, что прежние образовательные идеалы недостаточно хороши, потому что они не обеспечивают такие важные аспекты отношений между отцом и сыном, как взаимопонимание, доброта и благоразумие.

Позволив Менедему бросаться из одной крайности в другую, Теренций смог эффектно противопоставить недостатки как чрезмерной строгости, так и чрезмерной снисходительности. Чтобы подчеркнуть риск чрезмерной снисходительности, в пьесу вводится персонаж Клитифон, который, хотя и воспитывался гораздо более снисходительным отцом, все же оказывается никчемным человеком. Правда, то, насколько снисходительным был Хремет, вопрос довольно туманный, поскольку его речи по вопросу дисциплины – а этот болтливый горожанин никогда не упускал возможность произнести речь – не

слишком последовательны. В начале комедии (НТ 151–57) он точно диагностирует проблему взаимоотношений между Менедемом и Клинией, говоря, что они недостаточно хорошо знают друг друга и что Клиния, не осознавая того, как сильно любит его отец, не может доверять ему. Этот отрывок содержит справедливую критику староримской дисциплины, одобряемой Менедемом. Однако вскоре после этого, в разговоре о Клинии со своим сыном Клитифоном, Хремет, похоже, оправдывает строгость Менедема, утверждая, что сын должен уступать отцу и что любые жестокие действия со стороны отца совершаются исключительно ради блага сына (НТ 200–10). Эта речь и последующая горькая реакция Клитифона (НТ 213–29) несколько озадачивают, так как в них нет никаких признаков восхваляемых Хреметом теорий доверия и понимания, особенно с учетом того, что в дальнейшем оказывается: Клитифон, подобно многим другим молодым людям, у которых строгие родители, страстно влюблен в гетеру и планирует обманом получить деньги у отца.

Чтобы еще больше усложнить любую попытку прийти к пониманию зрителями убеждений Хремета, автор показывает то, как он не одобряет ставшего либеральным Менедема. Хремет, особенно после того, как он накормил гетеру Вакхиду и ее свиту обедом, призывает к осторожности и умеренности, предупреждая, что *nam deteriores omnes sumu' licentia*¹ (НТ 483). Его изобретательный ум рождает блестящее предложение, чтобы Менедем разрешил рабу обмануть его – прелестная схема для дисциплинирующего образования. И только некоторое время спустя (НТ 562–94), добродетельно предупредив Клитифона, флиртующего с той, которая, по его представлениям, была возлюбленной Клинии, о том, что нельзя вмешиваться в чужие любовные дела, он стал прежним добродушным и уверенным в себе родителем, который никогда не нуждается в строгих методах, для того, чтобы убедить своего сына поступить правильно. Но поразительное открытие, что его собственный сын любит гетеру, и не только не доверился в этом отцу, но и обманул его, заставляет Хремета изменить свое отношение. И изменить настолько же сильно, как и в свое время это сделал Менедем, а возможно, и сильнее, поскольку он ожесточен в своих угрозах лишить сына наследства, и даже Менедем называет его бесчеловечным (НТ 1045–46). Для читателя, и возможно, для зрителя, совокупный результат всех этих речистых, но непоследовательных высказываний Хремета – это неопределенность в отношении того, насколько либеральна должна быть система образования,

¹ «нас всех портит своеволие». – *Прим. пер.*

которую он поддерживает. Однако, насколько возможно понять, его теория основана на принципе полной откровенности и взаимопонимания между отцом и сыном. Тем не менее, в конечном итоге, она приводит к еще большему провалу, чем система Менедема, ибо, в отличие от Клинии, Клитифон не проявляет ни одного достойного качества. Он не соответствует никаким признанным моральным стандартам и не выказывает ни малейшего знака сыновнего благочестия.

Согласно вышеприведенному анализу, Теренций, похоже, старается сказать, что ни одна из продемонстрированных в «Самоистязателе» теорий образования не обеспечит желаемых взаимоотношений между родителем и ребенком, и ни на одну из них нельзя положиться в достижении счастья и нравственной чистоты. Скрытый смысл, возможно, заключается в том, что необходимо придерживаться умеренного курса в воспитании ребенка. Дисциплину в моральных вопросах нельзя обойти стороной, и только отец, который это понимает, может сохранить уважение своего сына. Но эта дисциплина должна применяться разумно и сочувственно, чтобы молодой человек принял ее с желанием.

Следует признать, что из-за размытых границ между строгостью и снисходительностью «Самоистязатель» не дает четкой концепции разумной системы образования. Однако такой упрек не может быть сделан в сторону «Братьев» (*Adelphae*). Братья Микион и Демей являются сторонниками противоположных теорий. Первый внутренний монолог Микиона показывает нам, что Демей – это суровый трудолюбивый человек, рассудительно принимающий на себя ответственность главы семьи, а Микион – неторопливый снисходительный эстет, ведущий образ жизни ни за что не отвечающего холостяка (Ad. 40–47). Монолог также включает в себя достаточно полное изложение теории Микиона относительно правильного метода воспитания сына – именно этой системы он придерживался, воспитывая своего приемного сына Эсхина (Ad. 48–77). Анализ его высказываний показывает, что его система построена на взаимном доверии и дружбе между родителем и сыном: если отец демонстрирует снисходительность и доброту, то у сына от него не будет секретов, он будет искренним, открытым и научится поступать правильно по своей воле, а не из страха; если же отец применяет только силу, то он воспитывает в сыне лживость.

Можно отметить, что, как в этом монологе, так и в последующих отрывках, Микион выделяет *liberalitas*¹ как качество, которое при должном поощрении будет служить идеальным руководством для

¹ «образ мыслей и действий, свойственный свободному человеку; благородство». – *Прим. пер.*

юношеского сознания. Представляется, что латинские слова *liberalis* и *liberalitas* имеют коннотацию щедрости, заботы о других и связи с высокими идеалами личностного поведения, что является качествами истинно благородного человека. Теренций, очевидно, рассматривает чувство долга и нравственную ответственность как неотъемлемую часть *liberalitas*; юноша, воспитанный надлежащим образом, не будет скрытным и замкнутым, он признаёт свои неблагоприятные поступки и понесет за них полную ответственность (Ad. 52–58). Эта идея заявлена не только Микионом в его первом монологе; далее Гегион, думая, что Эсхин собирается бросить обесчещенную им девушку, обвиняет молодого человека в недостойном *vir liberalis*¹ поведении (Ad. 464)². Более того, Микион, который, безусловно, считает себя *vir liberalis*, проявляет желание взять ответственность не только за свои личные поступки, но и за действия мальчика, которого он воспитал. Когда он узнает, что Эсхин повел себя настолько неправильно, что у Состраты создалось впечатление, что ее дочь обесчестили и бросили, Микион лично приходит ее успокоить. Это наверняка было для него очень постыдной обязанностью, которую он мог бы передать Гегиону (Ad. 597–609). Позднее Микион отчитывает Эсхина за его такое поведение. Он говорит, что юноша, не взяв на себя всю ответственность за свои поступки и не приложив усилия, чтобы смягчить их последствия для других, вел себя недостойно *ingenium liberale*³, которым, по мнению Микиона, тот обладает (Ad. 683–95). Очевидно, что Теренций рассматривает *liberalis* как весьма желательный элемент характера и провозглашает его как связующее звено с *liberi* (так он называет сыновей благородных людей). Его вывод состоит в том, что люди, которые заставляют своих сыновей руководствоваться страхом, а не *liberalitas*, не являются подходящими отцами для *liberi* (Ad. 57–58, 74–77).

Дополнительные детали, раскрывающие отношение Микиона к вопросу правильного воспитания, можно найти в его упреках брату (Ad. 101–10), когда он настаивает на том, что, если бы Демей был человечным, то позволил бы сыну отдать дань увлечениям молодости, включая вино и любовные похождения, сейчас, а не позже – после смерти Демеи, в годы жизни, не пригодные для такого поведения. Эти утверждения заставляют предположить, что Микион, возможно, настолько расширил идею свободы, которую он, без сомнения, ассоциировал с *liberalitas*, что фактически отказался от прежней дисциплины.

¹ «благородного человека». – Прим. пер.

² Гегион – родственник Состраты, матери девушки, будущей жены Эсхина. – Прим. пер.

³ «благородного нрава». – Прим. пер.

Что касается теорий Демея, которые были хорошо известны аудитории Теренция, то информация дается отрывочно. Он сильно возмущен, когда слышит, что Эсхин (мальчик, усыновленный Микионом), ворвался в дом работорговца и похитил девушку. Упрекая Микиона в том, что он позволил юноше стать таким развращенным, он предлагает пример для подражания – Ктесифона, мальчика, которого воспитал он, и который, по его мнению, бережливый, здравомыслящий и целеустремленный (Ad. 93–96). Позже, с изрядной долей самодовольства, Демей рассказывает рабу Сиру о своем методе воспитания Ктесифона. Однако, позволяя Сиру подшучивать над стариком во время разговора, Теренций высмеивает и Демею и его методы (Ad. 413–44). Когда Демей замечает Региона, он указывает на наиболее ценимые им качества характера, отзываясь о своем друге как о человеке старинной доблести и чести (Ad. 440–45). Мы можем догадаться о том, как Демей обращается с сыном: Ктесифон, думая, что отец уехал в деревню, сожалеет о том, что деревня находится слишком близко к городу, потому что старик, не найдя юношу там, может быстро добраться до города и проверить, чем он занимается (Ad. 523–27).

Персонажи Демея и Микион прописаны в пьесе лучше всего, и, по мере того как конфликт между ними становится все острее, становятся очевидны слабости тех систем, которые они отстаивают. Ведь именно для Ктесифона, которого постоянно восхваляет Демей, Эсхин похитил арфистку. Между тем сам Эсхин вовлечен в любовную историю, о которой Микион ничего не знает. Таким образом, оба мальчика нарушили самое почитаемое качество системы своих родителей: Ктесифон начал вести жизнь, которая обязательно влечет за собой расточительность и безнравственность, в то время как Эсхин не поделился самым важным событием своей жизни с Микионом. С самого первого появления на сцене Ктесифон показывает себя слабовольным человеком, которому вряд ли знакомо значение древних римских ценностей. Бесцеремонно обращаясь со сводником, Эсхин так же быстро показывает, что у него нет никакого понятия о кротости и уважении к правам других, что является основными элементами *liberalitas*. Хотя оба брата обладают привлекательными качествами, между их нравственными взглядами, которые следует описать как прискорбные, мало отличий.

В начале комедии (Ad. 141–54) Микион рассказывает, что он начинает терять терпение с Эсхином, чьи любовные приключения многочисленны и дорого обходятся приемному отцу. Позднее он успокаивается, узнав, что Эсхин похитил арфистку для Ксетифона (Ad. 364–66), но сильно раздосадован, узнав, что его держали

в неведении относительно любовной связи Эسخина (Ad. 639-40). Взаимоотношения отца и сына трогательно изображены в сцене, когда, наконец, устраивается свадьба (Ad. 679-712). Искреннее раскаяние Эسخина, мягкие упреки Микиона, и горячая благодарность молодого человека слишком неподдельны, чтобы допустить мысль о том, что Микион был полностью несостоятелен как отец. Представляется, что родитель достиг определенного успеха, если его сын говорит те слова, которые говорит Эсхин (Ad. 709-11): «Как не любить и на руках как не носить его мне? / Любезностью своею он большую мне доставил / заботу. Поостерегусь сознательно вперед я, чтоб как-нибудь нечаянно его не огорчить мне»¹.

Тем не менее это проявление чувств было бы бóльшим аргументом в пользу системы Микиона, если бы оно было высказано до, а не после того, как Эсхин достиг своей заветной мечты благодаря стараниям отца и вопреки своей нерасторопности.

Демей не осознает провала своей системы воспитания почти до самого конца пьесы (Ad. 789-92), когда застаёт Ксетифона с арфисткой. Обнаружив его вероломство, старик полностью меняет отношение к сыну. Поразмыв над собственной непопулярностью по сравнению с расположением, которым пользуется Микион, он внезапно решает показать пример снисходительности и щедрости (Ad. 870-81). Оставшаяся часть комедии представляет собой забавный, но многозначительный фарс, в котором Демее удается убедить Микиона сделать несколько важных шагов против своих желаний только потому, что тот запутался в своей собственной теории и не имеет достаточно мужества, чтобы отказать в настойчивой просьбе. Например, Микион не хочет жениться на матери возлюбленной Эسخина и называет эту идею *pravom ineptum absurdum atque alienum a vita mea*² (Ad. 944), но все же соглашается на женитьбу. Донат в «Комментарии к Братьям» (Ad. 938) замечает: «У Менандра старик не упрямится против свадьбы: а потому Теренций εὐρετικῶς [выдумщик]»³. Таким образом, римский писатель, отступая от оригинала в этом месте, делает важный акцент на слабости философии самодовольства Микиона, которая довела его до такого затруднительного положения. Весь отрывок (Ad. 924-97), где Демей меняется ролями со своим братом, наиболее эффективно выявляет результаты, которые дает система, основанная

¹ Прив. по: Теренций. Братья / пер. А.В. Артюшкова // Теренций. Комедии. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 474. – *Прим. пер.*

² «нелепой, глупой и чуждой моей жизни». – *Прим. пер.*

³ Текст цитируется по изданию: Paul Wessner (Aeli Donati Quod Fertur Commentum Terenti [Leipzig: Teubner, 1902-5], II, 176).

на терпимости без достаточного внимания к строгим руководящим принципам.

В результате, когда сбитый с толку Микион требует объяснить причину такой неожиданной перемены в своем брате, последний говорит следующее (Ad. 986–95): «Вот что показать хотел я. Наши сыновья тебя / лишь за то сейчас считают добрым, обходительным /, что всегда им потакаешь, их даришь и балуешь/, а не то чтоб сам ты жизнью отличался правильной /или был разумно добрым. Ну, а если жизнь моя / ненавистна вам за то, что (правы ли, не правы ль вы) / не потворствую во всем я – вам мешать не стану я /: покупать, мотать и делать что хотите можете/. Только если предпочтете, чтоб исправил я, сдержал/, а при случае спустил бы вам, когда по юности / не досмотрите, со страстью справиться не сможете ль/, ни сообразить порядком, тут к услугам вашим я»¹.

Эта речь и то, что Эсхин немедленно принял это предложение руководства, демонстрируют необходимость некоторой доли мудрого контроля. Но последняя речь Демеи (Ad. 996–97), в которой он обещает Ктесифону не вмешиваться в его отношения с арфисткой, предполагает то, что в будущем между ними будет определенная степень снисходительности в сочетании со строгостью. Таким образом, то, как дела обстоят в конце пьесы, похоже, обеспечит в дальнейшем совместный надзор за молодыми людьми со стороны Демеи и Микиона – сторонников, соответственно, строгости и снисходительности, что, таким образом, устанавливает разумный контроль в сочетании с благожелательным пониманием.

В «Братьях», своей последней комедии, Теренций, очевидно, добивается того, что, по его мнению, является сбалансированным решением проблемы воспитания. Рецепт молодого драматурга прост: разумная дисциплина в сочетании с истинным уважением к личному человеческому достоинству. Теория Теренция, делающая акцент на золотой середине между строгостью и снисходительностью, определяет тип назидания, логически произрастающий из жизненной философии, заявленной им в его первой комедии «Девушка с Андроса» (60–61): «Ни в чем излишка – в жизни дело первое»².

Система, которая делала упор на умеренности и разумности и которая поощряла *liberalitas* в том смысле, в котором Теренций понимал этот термин, в высшей степени подходила для развития *humanitas*,

¹ Прив. по: Теренций. Братья / пер. А.В. Артюшкова // Теренций. Комедии. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 497. – *Прим. пер.*

² Прив. по: Теренций. Девушка с Андроса / пер. А.В. Артюшкова // Теренций. Комедии. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 32. – *Прим. пер.*

которую друзья-эллинофилы¹ драматурга считали желаемой целью в характере². Теренций вынес на обсуждение это учение об образовании, всерьез надеясь на то, что оно заинтересует зрителей как идеальное решение воспитательных проблем, которые возникли частично в результате недостатков древнеримских методов, и частично – как результат нежелательных веяний, сопутствующих эллинистической тенденции. Представляется вероятным также, что, если люди из сципионовского кружка на самом деле не подсказывали Теренцию эту идею популяризовать учение об образовании, которое они как гуманисты могли одобрять, то они, по крайней мере, полностью поддерживали его усилия. Возможно, в глазах таких людей, наделенных видением будущего благодаря обучению и философской мысли, подобная теория образования была последней надеждой на спасение уже начинающего вырождаться римского характера.

Если мы и должны назвать эти заключения относительно замысла Теренция и активной поддержки его друзей разумными предположениями, то доказательства, содержащиеся в комедиях, наверняка подтвердят вывод о наличии у Теренция конкретной теории образования. Либо своя собственная, либо заимствованная у новой греческой комедии, эта система, будучи реализованной на практике, не только заботилась о развитии старых римских добродетелей, но и уделила особое внимание новому идеалу *humanitas*.

¹ Φιλέλληγυ – в буквальном переводе «друг грека», «эллинофил». Это слово неоднократно употреблялось Цицероном по отношению к себе, своим друзьям и близким. – *Прим. В. П.*

² Cf. Nybakken, *op. cit.* (см. сноску выше), pp. 399–402; Brown, *op. cit.* (см. сноску выше), p. 84.